

Вернувшись в пещеру, Сюй Шуанцы вылил набранную воду Соляного Источника в чисто выскобленный каменный котёл.

Выгреб из очага несколько тлеющих углей, раздул пламя и долго ждал, пока над котлом не заплясал густой пар, а вода не закипела ключом.

Он стоял над каменным жерлом, отдуваясь от жара. Бледное, болезненного вида лицо заметно порозовело.

Подбрасывая в огонь сухие ветки, Сюй Шуанцы мельком глянул на хищника:

— Цин, а ты раньше, чтобы соли поесть, прямо к источнику на гору ходил?

Белый Тигр соображал секунду, после чего сдержанно кивнул. Он не сводил глаз с бурлящей воды, искренне полагая, что оборотень-пришелец просто дожидается, пока та остынет, чтобы напиться, как делал это раньше.

Однако огонь гудел уже долго, а Сюй Шуанцы и не думал снимать котёл.

— Пить не будешь? — хрипловато поинтересовался зверь.

— Это не для питья, — вздохнул Сюй Шуанцы, с сомнением глядя на варево, уровень которого за полчаса едва понизился на полпальца. — Проверяю, получится ли выпарить соль.

Цин коротко бросил:

— Там ничего нет.

— Как это нет? Есть! — возразил юноша. — Ты пробовал воду из реки? Она пресная. А у этого источника вкус солоноватый. Это всё благодаря соли.

Цин с трудом уловил ход его мыслей, но отнёсся к затее с явным недоверием: никто и никогда в этих землях не добывал ничего из обычной воды с помощью каменного котла.

Прошло пол дня, прежде чем влага окончательно испарилась.

Едва сняв раскалённый котёл с огня и даже не дождавшись, пока спадёт жар, Сюй Шуанцы заглянул внутрь.

На самом дне тонким ровным слоем лежал белый кристаллический налёт.

Чистый, словно свежавыпавший снег. Самая настоящая соль!

— Иди сюда, смотри! — сжав кулаки от восторга, замахал он рукой.

Цин неторопливо поднялся с подстилки.

— Попробуешь? — Сюй Шуанцы зачерпнул крупички кончиком деревянной палочки и протянул ему.

Оборотень покосился на грязно-серый котёл, затем принялся к палочке. Помявшись мгновение, он едва ощутимо коснулся её кончиком языка.

Во рту мгновенно закололо от резкого вкуса. Взгляд золотистых глаз Белого Тигра стал тяжелым и глубоким.

— Ну как? — с замиранием сердца спросил Сюй Шуанцы. — Горчит?

Цин слегка накренил голову:

— Что такое «горчит»?

Сюй Шуанцы осекся. Поняв, что у местных звероловцев просто нет такого понятия, он выбежал из пещеры, сорвал лист целебной травы и прикусил его. Сморщившись и отплевавшись, он сорвал ещё один и без церемоний сунул прямо в пасть зверю.

Цин даже глазом не моргнул.

Сюй Шуанцы сдержал улыбку:

— Вот это и есть горечь.

Объяснив, он с ребяческим задором слизнул крупичку соли с пальца. Взрыв соленого вкуса на языке заставил его блаженно зажмуриться.

Полгода... Точнее, полмесяца! Целых две недели без нормальной еды, и вот наконец-то у него есть настоящая соль!

Забыв про застывшего в задумчивости Цина, юноша принялся бережно счищать соляной налёт щепкой, сгребая его на широкий чистый лист.

— Нет, так не пойдёт, — пробормотал он себе под нос. — Нужно срочно вырезать несколько деревянных мисок.

Сказано — сделано. Он тут же отправился к куче дров и выудил оттуда пару подходящих чурбаков.

Проходя мимо замершего оборотня, Сюй Шуанцы торжествующе ухмыльнулся:

— А я говорил, что в воде что-то есть! Это соль, да ещё и отличного качества.

Цин смотрел на субоборотня с нарастающим изумлением.

Этот хрупкий юноша знал невероятно много. Он мог не верить в наличие соли в озёрах, но способ выпаривания соленой воды из источника знал досконально. В голове Белого Тигра укоренилась чёткая мысль: Сюй Шуанцы — не кто иной, как жрец какого-то крупного племени. Ну, или как минимум тот, кого с детства готовили на эту роль.

Осознав это, Цин слегка опустил приподнятый было хвост.

Раз так, субоборотень рано или поздно захочет вернуться к своим.

Воды они принесли немного, а маленького котла хватало всего на пару заходов. Процесс выпаривания был донельзя медленным — на одну партию уходило полдня, а выходила лишь жалкая щепотка. Даже если расходувать её крайне скупно, запаса хватит сил на два дня.

Сюй Шуанцы стиснул зубы.

Без нормальной глиняной посуды тут не обойтись.

Вытёсывая деревянную площадку, он, не поднимая головы, спросил:

— Цин, сколько осталось до первого снега?

Белый Тигр бросил взгляд на выход из пещеры:

— Несколько дней.

Сюй Шуанцы нахмурился:

— А еды тебе хватит?

Цин поднялся во весь рост:

— Рыба.

Едва юноша успел дернуть рукой с каменным скребком, чудом не порезав пальцы, как огромного кота уже и след простыл.

Впрочем, это к лучшему. В реке кишмя кишела рыбешка — если наловить впрок, зимой голодать точно не придётся.

Однако, глянув на недоделанную миску и вспомнив, сколько времени уходит на выпаривание соли, Сюй Шуанцы вздохнул. До снега он ничего толком сделать не успеет.

Ладно, в крайнем случае придётся спускать воду из источника и пить её прямо так. Обратную же хватает слизывать соль с камней или пить минералку, вот и он не пропадет.

Но главным оставалась заготовка провизии.

Все последующие дни Сюй Шуанцы неотступно следовал за Цинем.

Пока Белый Тигр погружался в ледяную воду, выслеживая добычу, юноша сплёл из крепких лиан подхватную сеть и перекрыл реку чуть ниже по течению. Результат превзошел все ожидания: совместными усилиями они вытащили не меньше трехсот цзиней рыбы!

Сколько лет росли эти речные монстры, оставалось только гадать — каждый чешуйчатый гигант весил не меньше десяти-пятнадцати цзиней. А если выйти к Ближней реке, там встречались рыбины, чьи спины возвышались над водой, словно бревна, — под добрых полсотни цзиней весом!

Цин целиком отдался охоте. Его белоснежная шерсть не просыхала сутками.

Решив, что рыбы достаточно, они переключились на тайгу. Собирали всё подряд: дикие плоды, целебные коренья, съедобные клубни и даже пару видов пряных трав, способных скрасить скудный рацион.

Вместе с этим в пещеру перекочевала гора крепких гибких лиан и огромный запас сухих дров.

Дни пролетели как один миг. Запасы еды на зиму можно было назвать сносными.

Но Сюй Шуанцы не сидел сложа руки: захватив прочные кожаные мешки, он снова потащился на гору за Водой Соляного Источника. Чтобы было где хранить запасы, он уговорил Цина

притащить со склона два огромных валуна.

Вдвоём — один клыками и когтями, другой каменными тесаками — они выдолбили в них глубокие прямоугольные полости больше метра длиной. Получившиеся каменные кади установили в глубине пещеры.

Едва последнее ведро соленой воды заполнило резервуар, как с неба повалили первые хлопья.

Первый снегопад обрушился на тайгу внезапно.

К ночи мороз прижал так, что не спасал даже пылающий в центре пещеры костер. Сюй Шуанцы просто не успел сплести циновки и повесить плотные шкуры на вход.

Завывающий ветер беспрепятственно задувал снег внутрь, и пронизывающий холод пробирал до самых костей.

Даже устроившись у самого огня под толстым покрывалом из шкур, Сюй Шуанцы проснулся посреди ночи от пронзительной дрожи.

Согреться никак не удавалось. Ноги одеревенели и намозолили слух собственным постукиванием.

Поворочавшись с боку на бок, он сдался, поднялся и, плотнее закутавшись в шкуру, пододвинулся ближе к пламени.

Цин приоткрыл один глаз, уловив шорох.

Субоборотень замерзал.

Губы его побледнели, а в уголках потухших глаз застыла усталость.

Он судорожно вцепился в края покрывала, наружу торчали только побелевшие кончики пальцев. Из щели в шкурах виднелись плотно прижатые друг к другу ступни — настолько бледные, что сквозь кожу просвечивали синеватые венки, а пальцы судорожно скрючились.

За порогом свистел буран, заставляя языки пламени метаться из стороны в сторону.

Цин окинул взглядом беснующуюся за входом метель, повел кончиком хвоста по сухой траве и неторопливо поднялся.

Сюй Шуанцы уткнулся подбородком в колени и чуть приподнял голову:

— Ты тоже не спишь?

Белый Тигр посмотрел на его осунувшееся лицо:

— Могу спать.

— Тогда чего встал... Ох!

Мягкая, но увесистая тигриная лапа без лишних реверансов толкнула его в грудь, повалив навзничь прямо на подстилку.

Сюй Шуанцы хлопал глазами от неожиданности. Задравшиеся ноги сами собой уперлись прямо в пушистый тигриный живот.

Густой, невероятно мягкий и излучающий благодатное тепло мех ощущался как настоящее спасение. Убрать ноги юноша просто не смог себя заставить.

— Спи, — буркнул зверь.

— Холодно, не могу, — признался Сюй Шуанцы. Заметив, как Цин косится на его босые ступни, он смущенно втянул их под покрывало.

Оборотень улегся рядом на соломенный матрас.

Сюй Шуанцы от удивления округлил глаза:

— Ты со мной лечь хочешь? В снегопад совсем неважно? — Он натянул край тяжелого покрывала на мощный тигриный бок и улыбнулся: — Шкура большая, на двоих хватит.

И для верности еще и похлопал зверушку по широкой спине.

Цин следил за его манипуляциями. Хвост, оставшийся снаружи, вильнул из стороны в сторону, после чего оборотень прикрыл глаза.

Прошлые зимы он коротал на этой же соломе. Огромная шкура Зверя Золотых Зрачков вполне позволяла укрыться даже его гигантской туше, а для человека и подавно казалась бескрайним морем.

Вот только с появлением субоборотня привычная берлога изменилась до неузнаваемости.

Подстилка стала пышнее, сверху её устлали мягкие меха. Появился даже импровизированный валикообразный подголовник — Сюй Шуанцы сшил из кожи длинный мешок, набил его сухой душистой травой и уложил в изголовье.

Да и само покрывало насквозь пропиталось едва уловимым ароматом юноши. Легкий сладковатый шлейф — следы от немереного количества съеденных красных плодов.

Это была его, Цина, пещера, но сейчас казалось, будто он забрел в чужое, заботливо обустроенное гнездышко.

Лежать бок о бок было непривычно. Даже не прикасаясь к юноше вплотную, Цин отчётливо слышал размеренное биение его сердца и тихий, ровный шум дыхания.

Это сбивало с толку.

Он подождал немного — рядом царила тишина.

Оборотень открыл глаза.

Субоборотень свернулся калачиком, точь-и-точь как беспомощный детёныш. Наружу торчала лишь половина лица — бледного, худенького, почти прозрачного.

Такое слабое существо не представляло для Цина ни малейшей угрозы. И всё же оборотень ни на мгновение не мог забыть о его присутствии.

Странное чувство.

Ведь изначально он приволок его сюда с одной мыслью: подохнет — зарыть да и дело с концом. Кто же знал, что этот недотепа окажется настолько живучим и деятельным?

Не успел оглянуться, как пещера преобразилась до неузнаваемости. Да и сам Цин изменился вслед за ней.

Мысли путались.

Даже сквозь густую шерсть на морде угадывалось озабоченное выражение.

Вот только хвост, живший будто собственной жизнью, чуть заметно вильнул, юркнул под покрывало и ненавязчиво обвил лодыжку юноши.

От живого обогревателя исходило ровное, усыпляющее тепло, и Сюй Шуанцы очень быстро

погрузился в глубокий сон.

Однако разница в габаритах давала о себе знать: между высоким тигром и хрупким человеком гулял сквозняк.

Во сне, ища источник тепла, Сюй Шуанцы неосознанно потянулся ближе к горячему боку.

Цин замер, в подушечках лап на мгновение показались острые когти.

Он лежал на боку, и юноша, еще недавно державшийся на уважительном расстоянии, теперь целиком уткнулся в его объятия.

Лбом уперся в тигриную грудь, обнаженные ступни прижал к теплому животу, да еще и руками обхватил изо всех сил. Ни стыда, ни смущения.

Оборотень чуть сменил позу.

Субоборотень вслед за ним перекатился ближе, приоткрыв спрятанное лицо. Черты его разгладились, уголки губ тронула безмятежная улыбка — юноша буквально лучился уютом и покоем.

Цин долго и неподвижно всматривался в это лицо.

Затем тяжело вздохнул и уложил тяжелый подбородок прямо ему на макушку, смежив веки.

Ладно уж. Прогонишь его сейчас — потом смотреть на эти несчастные глаза...

Ночь прошла в глубоком, благостном сне.

Сюй Шуанцы казалось, будто он дрейфует на мягком облаке.

А вот проснулся он от нахлынувшего холода.

Завернувшись в шкуру, юноша сел. Отросшие до ушей волосы смешно взъерошились. Он поджал озябшие ноги под себя и заторможенным взглядом окинул пещеру.

Цина рядом не было.

Посидев немного, он услышал снаружи сухой хруст, будто кто-то дробил кости.

Сюй Шуанцы прищурился: за одну лишь ночь мир за порогом превратился в безбрежное белоснежное море.

По телу пробежала дрожь.

Заметив мелькнувший у входа знакомый хвост, юноша с облегчением откинулся назад и с головой зарылся обратно в теплую пелену.

Раз выпал снег, можно еще капельку подремать...

Сквозь дрему он почувствовал, как сверху опустилась тяжесть.

Сюй Шуанцы открыл глаза и увидел, как Цин когтем отгибает край шкуры над его головой, просовывая внутрь огромную усатую морду.

Юноша сонно протянул руку:

— Котик...

Цин тут же отпустил шкуру, и та с глухим шлепком накрыла лицо субоборотня.

Повилив хвостом по покрывалу, Белый Тигр вальяжно вышагнул из пещеры.

Сон окончательно испарился.

Сюй Шуанцы сбросил покрывало, поднялся и закутался во всё, что нашлось под рукой, комплектом, напоминающим капустный кочан.

Первый день снегопада. Юноша подошел к каменной стене и вывел ровную черточку. Посмотрев на иероглиф «Чжэн», он подсчитал: шёл семнадцатый день с момента его попадания в этот мир.

Огонь в очаге пылал вовсю, но температуру в пещере это поднимало слабо.

Сюй Шуанцы сварил котёл густого похлёбочного варева из сушёных трав и дикого мяса и, поеживаясь от мороза, высунулся наружу позвать Цина.

Белый Тигр усердно выкапывал из-под снега деревянную заготовку для миски, а хруст,

доносившийся ранее, был звуком ломающихся под его тяжелыми лапами промёрзших веток.

Едва Сюй Шуанцы показался в проеме, Цин тут же повел ушами.

— Пойдём есть!

Оборотень дернул хвостом, поднялся и поплёлся в пещеру.

В каменном котле булькала похлёбка неопределенного ярко-зеленого цвета. В ней плавали разварившиеся в труху листья, а кусочки мяса от травяного отвара приобрели ядовито-изумрудный оттенок.

Цин громко чихнул, развернулся на триста шестьдесят градусов и удрал на улицу с такой скоростью, будто за ним гнались стаи голодных волков.

Сюй Шуанцы всплеснул руками:

— Эй! Ты куда? Кушать же надо!

Цин промолчал, но весь его вид выражал непреклонное нежелание связываться с этой ядовитой жижей.

<http://bllate.org/book/20124/1992995>